

© Н.С. АНДРЕЕВА

Государственный аграрный университет Северного Зауралья (г. Тюмень)
nandreeva.tsau@yandex.ru

УДК 111.85

**ЭСТЕТИКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ПОИСК
ОСНОВАНИЙ КРАСОТЫ ЧЕЛОВЕКА
AESTHETIC-ANTHROPOLOGIC SEARCH
FOR HUMAN BEAUTY BASES**

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена актуальной проблеме развития человеческой сущности. Предпринятое автором исследование эстетических факторов антропогенеза является перспективным для философской науки и социальной практики. Используются категории онтологии, гносеологии, философской и эстетической антропологии. Дается характеристика человеческой красоты с точки зрения таких ее интегральных свойств, как выразительность, образность, фигуративность. Рассматриваются следующие вопросы: выразительный потенциал красоты человека; фигуративное выражение социальной структуры и социального опыта в красоте человека; роль человеческой красоты в формировании моральных ценностей личности. Предпринята попытка рассмотреть влияние человеческой красоты на становление духовно-социальных начал человеческой сущности во взаимосвязи и взаимном развитии искусства и жизни, мира идей и мира реальности. Выявляется природа воздействия представлений о красоте человека в их объективно-субъективной основе на объективацию человеческой сущности. Таким образом, автор продолжает эстетико-антропологическую традицию в исследовании и оригинальной интерпретации роли и значения человеческой красоты в антропогенезе.

SUMMARY. The article is concerned with the topical issue of human essence development in a human being. The research of aesthetic factors of anthropogenesis made by the author is perspective for philosophy and social practice. The categories of ontology, epistemology and aesthetic anthropology are used. The author gives characteristics of human beauty from the viewpoint of such integral properties as expressiveness and figurativeness. The following issues are researched: expressive potential of human beauty, figurative expression of social structure and social experience in the beauty of a human being, the role of human beauty in the formation of moral values of a person. The author attempted to discover the human beauty influence on the formation of spiritual and social constituent of human essence in a mutual development of art and life, in reality being and in idea being. The nature of human beauty influence on human objectivation in its objective-subjective source is determined. Thus, the author continues the aesthetic and anthropological research tradition and original interpretations of the role and importance of human beauty in anthropogenesis.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Красота человека, эстетическая антропология, человеческая сущность, выразительность, фигуративность.

KEY WORDS. Human beauty, aesthetic anthropology, human essence, expressiveness, figurativeness.

Занимаясь традиционной проблемой человека в его становлении, эстетическая антропология находит «антропологический ключ к тайнам человеческой сущности» [1; 179] в эстетическом замысле, изображении, выражении. Поскольку современная философия нуждается в определенном и разноплановом «мировоззренческом и философском обосновании человеческого единства и целостности» [1; 177], в интерпретации свойств, отношений, сторон, характеристик человеческой сущности, эстетическая антропология в лице ее представителей предлагает методы исследования способов выражения и онтологизации этой сущности. Так, И.Б. Муравьев исследует процессы самопознания и саморазвития человека через эстетические идеалы культуры [2]; мы рассматривали человеческую красоту в онтологии человеческого бытия [3]; М.Н. Щербинин исследует эстетико-антропологические способы «самопознания и самообнаружения человеческого бытия, ... факты и формы проявления человеческой сущности», такие, например, как ее изображение и выражение [4; 190].

В качестве «бытийственных параметров собственно человеческой сущности» [4; 191] эстетическая антропология рассматривает художественно-выразительные и художественно-изобразительные формы измерения и освоения социальной жизни. По мысли М.Н. Щербинина, «...в таких формах смыслообразования, найденных человечеством не без участия искусства, как смысл, замысел, вымысел, домysel, — ...накапливается мозаичное разноцветие символически-образного обнаружения человеческой сущности... формируется антропологизация природно-родового и социокультурного содержания человеческого бытия» [4; 191]. В результате эстетического и художественного творчества «социальное содержание человеческого бытия и его сущности «оживляется», впечатывается впечатлениями художественной природы в индивидуальное человеческое... что называется эффектом визуализации человеческой сущности... Происходит ее, сущности, антропологизация как онтологизация именно человеческого» [4; 192].

В русле эстетической антропологии исследуются изобразительные и выразительные феномены искусства. Так, обращение искусства к феномену «преобразования» демонстрирует возможности преобразования противоположных сил индивидуализации и социализации, социальной и индивидуальной видов реальности, одного в другой, через образ [5; 21], «в «расчете» на удержание этих указанных противоположностей в едином социокультурном пространстве человечности одновременно, и также в «расчете» на возможную гармонизацию человеческого бытия» [5; 10-11].

Эстетическая антропология предоставляет теоретико-методологическую базу для актуального определения красоты человека в ряду эстетических способов осуществления, бытия, становления, саморазвития, самопознания человеческой сущности, проливая свет на природу человеческой красоты и ее роль в антропогенезе, в процессах самосовершенствования человеческой сущности.

Эстетические и антропологические воззрения в истории философской мысли неоднократно переплетались. Так, А.В. Гулыга полагал, что уникальные всемирно-исторические культурные феномены философии и искусства взаи-

мообусловлены и предпринимал попытки обоснования смыслогенетических связей между развитием философской мысли и феноменами искусства, лидировавшими в разные эпохи — античной пластики, живописи Возрождения, русской литературы XIX в. [6; 4]. Автор отмечает, что период немецкой классики XVIII в. и его философские дискуссии связаны с художественной жизнью: «литература и театр сыграли существенную роль в философской биографии рассматриваемой эпохи» [6; 4]. Дискуссия о способах художественного отражения и о роли красоты захватила, по мнению А.В. Гулыги, и И. Канта, о чем говорят черновые записи и первоначальные издания сочинений трудов великого мыслителя. И. Кант, по всей видимости, уделял именно красоте выдающуюся роль связующего звена между природой человека и его свободой. Красота у Канта — гносеологический феномен, выводящий познание в антропологическую область.

Об особенном внимании, уделяемом красоте новоевропейской культурой, говорит множество терминов, употребляемых для обозначения смыслодержущих нюансов эстетического чувства, непосредственного ощущения человеческой красоты, когда, как отмечалось нами ранее, «красота человека достигает комплексности представлений о ней» [7; 62]. Неоднозначность в определениях человеческой красоты призвана обозначить и «схватить» различные нюансы, планы и оттенки человеческой красоты. Эти оттенки эстетического чувства, различные по силе воздействия на созерцающего красоту субъекта, градуируют эстетическую ценностную эмоцию по степени интенсивности, существенности и выразительности. К примеру, у Т. Гоббса «то, что по некоторым признакам обещает добро», «мина или выражение лица», обещающая добро, может быть в различных ситуациях обозначено именами «красиво», «прекрасно», «приятно», «почтенно», «благопристойно», «любезно», «мило», «дружелюбно» [8; 39-40].

Статус прекрасного теперь определен как статус предельно широкого эстетического понятия. Прочие эстетические категории конкретизируют понятие прекрасного, «обретают статус сопутствующих и дополняющих основную категорию эстетической проекции человеческого бытия — красоты или прекрасного» [7; 62]. Как отмечает А.Л. Ястребов, в XVII в. произошел «пересмотр философской содержательности категории и образа прекрасного» [9; 48]. Исчерпав диапазон «стереотипных художественных приемов портретирования прекрасного», культура, «чтобы наполнить смыслом красоту, предпринимает эксперимент по эстетизации безобразного» [9; 48-49]. При этом литература «объективирует глобальные категории минимальными и ничтожными явлениями», в результате чего «феномен эстетической образцовости обновляется, открывается для новых, гротескных интерпретаций» [9; 49]. А.Л. Ястребов полагает, что феномен красоты, «уставший» и «дискредитированный веками», возрождается в гротескном сопоставлении с безобразным, в антагонистических построениях. Гротеск «приоткрывает новые горизонты художественного существования» феномена красоты, обновляет его и открывает «для свежих интерпретаций» [9; 49].

Постепенно человеческая красота накапливает выразительный потенциал, составляющий ее иерархическую структуру (красота тела, фигуры, лица, поступка, мысли, общественного устройства и т.д.). Принципиальные характеристики человеческой красоты, различные для разных эпох, определили ее роль в развитии человеческой сущности. Тайна человеческой красоты заключает ее роль в человеческом становлении, но лишь в том случае, когда сама она — тот

самый «огонь в сосуде»: определение поэта можно назвать вполне современным, однако к подобному восприятию человеческой красоты пройден долгий исторический путь, когда огонь «накапливался» и обретал человеческий, духовно-социальный, сущностно-символический смысл и выражение.

Для современного исследователя, с одной стороны, красота человека — это правильные пропорции, биологическая целесообразность, ощущаемая, воспринимаемая, оцениваемая и определяемая как красота. С другой стороны, уже в незапамятные времена к красоте человека добавляется «рукотворная» характеристика — выразительность. Природа не может «выражать» и «изображать», выражение — это человеческий культурный и деятельный феномен. Однако, в отличие от художественного принципа *изобразительности*, для человеческой красоты существенным является принцип *выразительности* как принцип реальности. Человеческий облик, лицо и фигуру украшают выразительные действия и их собирательный результат, при участии мимики, жеста, движения. Во внешний, видимый облик и обличье человека встраиваются духовно-социальные детерминанты, формирующие и обуславливающие восприятие красоты человека. По мысли О.В. Буткевича, непосредственному эстетическому восприятию недостает пищи «во внешней правильности и непротиворечивости» [10; 142-143] любого объекта восприятия, не исключая человека; для ощущения красоты в полном объеме требуется столкновение с «единством в его диалектическом, динамическом смысле» [10; 142-143].

Комплекс категорий эстетической проекции человеческого бытия интегрируется в выразительной категории фигуративности человеческой красоты, свойством которой является визуализация социальных статичных и динамичных аспектов человеческой сущности. Таким образом, выразительный потенциал красоты человека может быть обобщен в свойстве ее фигуративности как способе выражения в феномене человеческой красоты сущностных духовно-социальных характеристик человека, включая «потенциал собирания как активности людей в социальном движении и потенциал собранности как гармоничной для данной эпохи социальной структуры» [7; 65].

А.Л. Ястребов справедливо отмечает следующее обстоятельство: литература Нового времени открывает завораживающие дух возможности темы «дерзких перевоплощений», социальных преобразований героев: «Литературная характеристология отправляется по пути социальных метаморфоз. Образ Золушки у Ш. Перро отмечен трансформацией социального положения героини... Данный эксперимент оказывается чрезвычайно продуктивным для литературы» [9; 49]. Как писали мы ранее, «символы мобильности, щедро представленные искусством, в частности, театральным и литературным искусством Нового времени» [7; 65], а также воспринятые в эстетическом впечатлении художественные образы красоты человека — фигуры мобильности — явились своевременным способом «архетипизации статусно-ролевой картины мира» [7; 64].

Кроме того, эстетико-антропологическая проблематика предполагает исследование красоты человека как одного из факторов формирования «нравственного ощущения жизни». В фигуративности человеческой красоты визуализируются основы «постконвенционального» (Л. Колберг) типа и уровня моральных суждений и оценок, имеющих общечеловеческую универсальность всеобщих нравственных оснований.

Являясь атрибутом человеческой повседневности, человеческая красота сохраняет свойства образа художественного — в комплексе представлений о ней, развиваемых средствами искусства — а именно выразительный потенциал и способность символизировать или обнаруживать в единичном феномене общее и сущностное. «Красота человека сопутствует всем эстетическим, в том числе художественным и внехудожественным, формам человеческого опыта» [7; 63], выступая способом объективации идеальных представлений, генерируемых художественным опытом. В то время как «идеальное выступает существенным признаком антропогенеза, связанным с особым видом бытия предметной информации, в виде специфического содержания человеческого сознания» [11; 191], в красоте человека происходит объективация идеальных компонентов искусства, осуществляется взаимосвязь идеального и реального мира человеческой сущности.

При этом красота человека играет определенную роль в процессах так называемого «опредмечивания виртуальной системы ценностей». К примеру, А.И. Павловский, отмечая функции искусства в формировании нравственной культуры личности, полагает, что «виртуальное основание культуры» — система ценностей или «социальное Я», выражается в морали в виде виртуальных предписаний, выражающих должное, либо бывает опредмечена в культуре: механизмом опредмечивания выступает при этом искусство: «Мораль не выходит за рамки виртуального бытия... искусство выступает инструментом преобразования действительности» [12; 217]. В то же время С.М. Халин отмечает историческую эффективность и «спасительность» таких форм и способов разумно-творческой преобразовательной активности человека, выразивших его «разумную преобразующую способность», как «литература XIX в., поэзия серебряного века, балет, музыка, живопись и т.д.» [13; 39]. Несмотря на то, что самоосуществление человеческой природы при этом происходит лишь «в сфере рефлексии, в сфере идеального, идеальной предметности» [13; 41] и подразумевает некоторое отчуждение человека от «практической разумно-преобразующей функции» [13; 41], в целом имеет место историческая и культурная взаимообусловленность обоих способов самоосуществления человека — в искусстве и социальной практике.

Взаимоотношение искусства и морали изложены в философской схеме А. Рэнд, которая полагала искусство главным источником «нравственного ощущения жизни» на доконцептуальном уровне, источником эмоциональной под-сознательной оценки человека и бытия в целом, концептуализирующей в морали — абстрактном своде ценностей и принципов [14].

В целом можно заключить, что восприятие человеческой красоты развивалось средствами искусства во взаимообусловленности с процессами самопознания-саморазвития человеческой сущности.

Если следовать известной терминологической традиции определения бытия человека в категориях его «фундаментальных антропологических констант», понимаемых как предельные границы, при разрушении которых человек перестает быть человеком, как регулятивных идей, обеспечивающих и раскрывающих антропологическую целостность человека, то, как пишет А.Л. Ястребов, эти границы в истории трансформируются под воздействием художественных представлений: «Принципы нового поведения персонажа подвергают эстетическому

переосмыслению известные архетипы...» [9; 50]. Красота же человека, как мы обобщали ранее, «сопутствует всем эстетическим, в том числе художественным и внехудожественным, формам человеческого опыта» и выступает способом перевода идей и идеальных представлений из сферы искусства и художественного вымысла в сферу реальности [7; 63]. Таким образом, человеческая сущность развивается, и границы ее бытийных констант подвергаются трансформации под воздействием представлений о красоте человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Щербинин М.Н., Халин С.М., Богомяков В.Г. Сущность и бытие человека в эстетико-антропологическом измерении // Вестник Тюменского государственного университета. 2012. № 2. Серия «История». С. 177-180.
2. Муравьев И.Б. Представление о человеке как субъекте культуры / «Собирание» смысла через многообразие форм европейской культуры. Тюмень: Вектор Бук, 2002. С. 95-101.
3. Андреева Н.С. Онтологический статус красоты человека // Вестник Тюменского государственного университета. 2013. № 10. Серия «Философия». С. 71-76.
4. Щербинин М.Н. Эстетико-антропологическое бытие социума // Вестник Тюменского государственного университета. 2009. № 5. Серия «Педагогика. Психология. Философия». С. 190-199.
5. Щербинин М.Н. Эстетико-антропологическое освоение социума // Эстетико-антропологическое бытие социума: Коллективная монография. Тюмень, 2010. 217 с.
6. Гулыга А.В. Немецкая классическая философия. М.: Рольф, 2001. 416 с.
7. Андреева Н.С. Красота как фигуративный способ выражения человеческой сущности / Эстетическая антропология: фигуративный аспект. Коллективная монография / Под ред. М.Н.Щербинина. Тюмень: Мандр и Ка. 2014. 192 с.
8. Гоббс Т. Левиафан / Сочинения в 2 тт. Т 2. М.: Мысль, 1991. 731 с.
9. Ястребов А.Л. Трансформация границ бытийных констант: репрессия красоты и реабилитация уродства // Вестник Амурского государственного университета. 2002. Вып. 16: Гуманитарные науки. С. 48-52.
10. Буткевич О.В. Красота: Природа. Сущность. Формы. Л.: Художник РСФСР, 1983. 438 с.
11. Халин С.М. Ересьюко М.Н. Идеальное как особая форма движения материи // Вестник Тюменского государственного университета. 2012. № 2. Серия «История». С. 190-193.
12. Павловский А.И. Что такое культура? // Вестник Тюменского государственного университета. 2005. № 10. С. 212-218.
13. Халин С.М. Россия и разумно-преобразовательная природа человека // Вестник Тюменского государственного университета. 2012. № 10. Серия «Философия». С. 38-44.
14. Рэнд А. Романтический манифест. Философия литературы. М.: Альпина Паблишер, 2011. 199 с.

REFERENCES

1. Shcherbinin, M.N., Khalin, S.M., Bogomiakov, V.G. Essence and existence of a human being in the aesthetic and anthropological dimension. *Vestnik Tiimenskogo gosudarstvennogo universiteta* — *Tyumen State University Herald*. 2012. № 2. Series "History". Pp. 177-180. (in Russian).
2. Murav'ev, I.B. The idea of a man as a cultural subject / In: «*Sobiranie*» *smysla cherez mnogoobrazie form evropeiskoi kul'tury* ["Accumulation" of meaning through diversity of European culture forms]. Tyumen, 2002. Pp. 95-101. (in Russian).

3. Andreeva, N.S. Ontological status of human beauty. *Vestnik Tiimenskogo gosudarstvennogo universiteta — Tyumen State University Herald*. 2013. № 10. Series "Philosophy". Pp. 71-76. (in Russian).
4. Shcherbinin, M.N. Aesthetic and anthropological existence of society. *Vestnik Tiimenskogo gosudarstvennogo universiteta — Tyumen State University Herald*. 2009. № 5. Series "Pedagogy. Psychology. Philosophy". Pp. 190-199. (in Russian).
5. Shcherbinin, M.N. Esthetic and anthropological exploration of social medium / In: *Estetiko-antropologicheskoe bytie sotsiuma: Kollektivnaia monografiia* [Esthetic and anthropological being of social medium]. Tyumen, 2010. 217 p. (in Russian).
6. Gulyga, A.V. *Nemetskaia klassicheskaia filosofii* [German classical philosophy]. Moscow, 2001. 416 p. (in Russian).
7. Andreeva, N.S. Beauty as a figurative way of human essence expressing / In: *Esteticheskaia antropologii: figurativnyi aspekt. Kollektivnaia monografiia* [Aesthetic anthropology: figurative aspect]. Tyumen, 2014. 192 p. (in Russian).
8. Hobbes, T.L. *Leviafan* / In: *Sochineniia v 2 tt. T 2* [Collected works in 2 vol. Vol. 2]. Moscow, 1991. 731 p. (in Russian).
9. Iastrebov, A.L. Transformation of existential constants borders: repression of beauty and rehabilitation of deformity. *Vestnik Amurskogo gosudarstvennogo universiteta — Bulletin of the Amur State University*. 2002. № 16. Humanities Issue. Pp. 48-52. (in Russian).
10. Butkevich, O.V. *Krasota: Priroda. Sushchnost'. Formy* [Beauty: Nature. Essence. Forms]. Leningrad, 1983. 438 p. (in Russian).
11. Khalin, S.M. Eres'ko, M.N. Ideal as a special form of motion of matter. *Vestnik Tiimenskogo gosudarstvennogo universiteta — Tyumen State University Herald*. 2012. № 2. Series "History". Pp. 190-193. (in Russian).
12. Pavlovskii, A.I. What is culture? *Vestnik Tiimenskogo gosudarstvennogo universiteta — Tyumen State University Herald*. 2005. № 10. Pp. 212-218. (in Russian).
13. Khalin, S.M. Russia and reasonable transformative nature of a human being. *Vestnik Tiimenskogo gosudarstvennogo universiteta — Tyumen State University Herald*. 2012. № 10. Series "Philosophy". Pp. 38-44. (in Russian).
14. Rand, A. *Romanticheskii manifest. Filosofii literatury* [The Romantic Manifesto. A Philosophy of literature]. Moscow, 2011. 199 p.

Автор публикации

Андреева Наталья Сергеевна — старший преподаватель кафедры философии Государственного аграрного университета Северного Зауралья (г. Тюмень), кандидат философских наук

Author of the publication

Natalia S. Andreeva — Cand. Sci. (Philos.), Senior Lecturer, Department of Philosophy, State Agricultural University of Northern Trans-Urals (Tyumen)